

Елена Гордеева. Иногда остановка – это просто остановка (три отрывка из романа)

Глава 21. Бочкотара и литература

<...>Почему одними эпизод запоминается, а другими напрочь забывается? Расскажем про арбуз. Героиня и её дочери возвращались со своего дачного участка в Москву – автобусом-электричкой-автобусом. Младшая вылезла из набитого загородного автобуса после матери, догнала её и сказала: «Меня так толкнули, что я чуть не упала на тётеньку. На ногах устояла, но вышибла арбуз, который она держала под мышкой».

– Не может быть! – воскликнула Марта, полагавшая, что нельзя не услышать тот «хрясь», с каким арбуз разбивается об асфальт.

– Может. Обернись.

Они обернулись и увидели розовые куски с зелёными корками на сером тротуаре. Женщина, лишившаяся арбуза, была одета в синее платье с крупными жёлтыми и розоватыми цветами. Мелькнувшее тёмно-синее платье с жёлтыми цветами запомнилось, а тёмно-синий фон стенгазеты с белыми и желтоватыми звёздами – нет. Над газетой долго трудились, на женщину Марта глядела полторы секунды. Дочь извинилась, объяснила, что была с большой силой подпихнута. Тётенька из Подмосковья не ругала молоденькую москвичку; но даже это удивляет меньше, чем то, что Младшая не запомнила случай с арбузом.<...>

Взрослую Марту, выходящую на своей остановке, сильно пихнул дядька, большой и пьяный. Сработал принцип домино, и героиня, большая и трезвая тётка, налетела на молодую женщину. Пьяный не обратил на это никакого внимания, а пихнутая-пихнувшая негромко сказала: «Извините». Советская дама (Михаил Зощенко написал бы «гражданка») резко обернулась и с ненавистью выкрикнула: «А сама-то!» Удивление, тут же вылезшее на лицо извинившейся, тут же и отрезвило нервную особу. Услышав ласковое «а?» и только после этого поняв, что у неё попросили прощения, женщина произнесла: «Ничего. Всё в порядке». Марта успела задумчиво постоять на переходе и задумчиво перебраться через широкий проспект, прежде чем догадалась, что это было. Взвинченной даме послышалось, будто позади неё проговорили: «Свиньи...» Было слышано только негромкое «звинь», без начала и конца.

Готовность советского человека к тому, что его заденут, пихнут, обругают, поражала мою героиню всегда и поражала сильнее, чем агрессия и неготовность к тому, что перед ним, советским, извинятся. Или это – свойства русских людей? Когда СССР скончался, многие россияне принялись ностальгировать. А Марта подумывала предложить какому-нибудь журналу рубрику «Воспоминания о жизни в Советском Союзе». Она, её родные и её знакомые могли навспоминать столько, что хватило бы для еженедельника. Не предложила, поберегла свой покой. Служба – это обязательства, сроки, нервотрёпка. Журнал, наверное, и не нашёлся бы, но расхолаживала даже слабая вероятность, что придётся служить. Вот мы и добрались до киника по имени Диоген. Однажды философ мыл овощи в ручье, намереваясь позавтракать.

Рядом случился другой философ и сказал: если бы ты, подобно мне, служил тирану Дионисию, тебе не пришлось бы самому в ручье мыть овощи. Диоген Синопский откликнулся: если бы ты, подобно мне, мыл овощи в ручье, тебе не пришлось бы служить тирану Дионисию. Пересказ приблизительный, быть может, далёкий от действительного случая, как далёк от бочки глиняный сосуд, в котором ночевал Диоген. Важна суть. Марта считает гораздо более удачливым того, кто хотел и не добился, чем того, кто не хотел, но был вынужден.

Глава четырнадцатая. Случай на троллейбусной остановке. Главка называется «О эти круглые коленки!»

<...>Через пятнадцать лет, всё ещё при Советском Союзе, к ней пристал аспирант из не-знаем-какой страны. Постановим, что латиноамериканской, для африканца он был недостаточно темнокож. <...>

Позади троллейбусной остановки торчало (и торчит) помпезноватое здание – общежитие Университета дружбы народов. Поздним тёплым вечером представитель одного из дружественных народов стал клеиться к моей героине. Выглядела она юно и вдохновенно. Не благодаря искусственной влюблённости в Алексея. Тогда ещё не догорела её страсть к Александру, сильнейшая в Мартиной жизни. Публика на остановке имела, однако не вмешивалась. Рефреном всех речей смуглого аспиранта было: «Поедем ко мне, у меня есть...» Далее шли вариации: сапожки, фирменная косметика, красивая одежда...

– Оставьте меня в покое; меня ждут дети; боюсь, что муж ещё не уложил их спать.

– Какие дети? У тебя? Смешно. А у меня такая кофточка лежит! Прямо для тебя...

Акцента почти не было. И троллейбуса не было и не было. В середине приставаний хмырь из Южной Америки неожиданно сказал с человеческой интонацией: «Ты мне понравилась, вот я к тебе и подошёл». То сапожки да помады, то вдруг нормальное «вот я и подошёл». В уме ответ сложился сразу: «Замечательно! А теперь отойди». Не произнесла, сочла чересчур обидным. И продолжала просить, чтобы хмырь оставил её в покое. Опасалась, что приставания продолжатся и в дороге; ведь он говорил «поедем ко мне». Когда наконец подошёл троллейбус, аспирант проводил Марту жгучим латиноамериканским взглядом и направился к своему автомобилю. Должно быть, он снимал квартиру. А остановка рядом с общагой была местом съёма легкомысленных шмоткозависимых девиц. Надеюсь, думала героиня, этот арендатор принял меня за таковую только из-за темноты... Её всегда удивляла настойчивость хмырей. Говоришь: нет! не хочу! отстань. И даже «меня ждут дети». Бесполезно. <...>

Вслед за Мартой в троллейбус вошёл молодой соотечественник, уселся напротив и улыбнулся. Утомил он вас? – Да. – А у вас правда есть дети и муж? – Есть. – А я думаю, это

была отговорка, чтобы избавиться от... Героиня шибанула его взглядом, и он воздержался от расистского эпитета. Но улыбнулся уже по-другому.

– Полагаю, мне вы не станете врать про детишек.

– И вы туда же?

Она не возмутилась. Спросила с насмешкой, усталой, но чёткой. Евразийский хмырь заткнулся. Что заставило его последовать за южноамериканским? Может, она сверкнула коленками, когда садилась? Парень не выглядел сладострастником. На шофёра не походил. И не дотягивал до аспиранта. Советский клерк с ущемлённым самолюбием. На остановке услышал, что Марту не соблазняют сапожки и помада (никогда не красила губы), и стал прикидывать: не уступит ли она задаром исканиям «белого человека»? Возобладать над обеспеченным и образованным латиносом было бы сладко... Но почему и смуглый и белый не поверили в мужа и детей? Она часто производила впечатление, что свободна от семейных уз.

Когда героиня рассказала на работе про иностранца с его барахлом, Дама с шампунями так развеселилась, что не отреагировала на замечание Главной подруги: «Вот видишь, как ты молодо выглядишь!» (Дама славилась обыкновением возражать, когда говорили что-то приятное не ей.) Марта сказала: «Просто было темно». Мы приберегли одну деталь, чтобы предъявить её сейчас. Аспирант поглядывал на плечи, ноги, бёдра уговариваемой не похотливо, а как-то по-деловому, озадаченно. Героиня сообщила про это сослуживицам, и Дама, смеясь, проговорила: «Он прикидывал, подойдут ли размеры!» Именно так. Ещё на остановке Марта поняла: беспокоится, есть ли у него «на складе» нужные размеры...